

Раз решение об отъезде было принято, следовало привести все дела в порядок. За последний год Е Цзюньшу по воле случая прикупил еще несколько му земли, и теперь в его владении было двенадцать му. Всю эту землю он сдал в аренду семье аму Миня. Плату зерном решили ежегодно пересчитывать в деньги и откладывать — сочтутся, когда он вернется. За домом тоже поручил присматривать семье аму Миня. Взамен он брал с них всего две десятых доли урожая в качестве аренды.

Изначально Е Цзюньшу хотел вообще не брать платы и просто отдать землю аму Миню в пользование, но всё семейство наотрез отказалось — они не желали наживаться на младшем. После долгих споров сошлись на символических двадцати процентах. Могилы дяди Лэя и Пань-гэра Е Цзюньшу поручил заботам шицона — попросил время от времени навещать туда самому или нанимать людей, чтобы захоронения не выглядели заброшенными и было кому совершать обряды.

Сперва Е Цзюньшу казалось, что багажа будет немного, но чем дольше он собирался, тем больше становилось вещей. Пакеты, узлы, тюки... То одно казалось необходимым, то другое. В итоге вещей набралось явно больше, чем на одну повозку.

Е Цзюньшу уже назначил дату отъезда. Дети в эти дни не только собирали свои маленькие узелки, но и со слезами на глазах прощались с деревенскими друзьями, даже раздаривали любимые игрушки на память. Е Цзюньшу им не мешал.

По словам шицона, когда шиму услышал его признание, он хоть и не дал сразу прямого согласия, но и не отказал. Сказал лишь, что должен лично нанести визит. Учитывая дружбу с Е Цзюньшу и то, что Е Цзюньчжи был одним из любимых учеников учителя, дело продвигалось гладко — об этом свидетельствовала сияющая физиономия Цинь Яоляня. Е Цзюньшу жалел лишь о том, что не сможет присутствовать на церемонии заключения союза шицона и Ло-гэра.

Настал день отъезда. Рано утром у ворот собралась плотная толпа односельчан. Е Цзюньшу всматривался в знакомые лица, и горечь расставания внезапно затопила его сердце. Братья Е в окружении жителей деревни медленно шли к околице. В воздухе висело тяжелое молчание. Цзычжоу смотрел на каждый кустик, на каждое дерево; даже узоры на огромном камне у дороги были ему бесконечно знакомы. С этой деревней Ецзяцунь, вскормившей их, теперь приходилось прощаться. На мгновение его охватила тоска. Трудно покидать родные места, и он не знал, когда вернется вновь.

У края деревни Е Цзюньшу остановился и обратился к людям:

— На этом всё. Прошу вас, соседи, не идите за нами дальше.

Староста Жун от имени всех сельчан выступил вперед и протянул Е Цзюньшу серый матерчатый мешочек:

— Цзычжоу, в дороге и на чужбине всякое бывает, деньги лишними не будут. Это мы всем миром собрали вам на путевые расходы. Немного, конечно, но всё же подспорье.

— Это... — Е Цзюньшу замялся.

Жизнь у селян и так была непростой, как он мог забрать их деньги? Он уже открыл рот, чтобы отказаться, но дядюшка Жун пресек это властным жестом:

— Это наша забота о тебе, просто прими.

Спорить было бесполезно, и Е Цзюньшу взял мешочек. Крепко держа детей за руки, он отступил на шаг и низко поклонился всем присутствующим:

— Спасибо вам за всё. Спасибо за то, что все эти годы присматривали за нами и помогали.

Если бы не эти простые и добрые люди, семья Е никогда не смогла бы жить так спокойно. Е Цзюньшу был безмерно благодарен им и чувствовал глубокую ответственность перед деревней.

Он дал себе слово, что обязательно вернется в родные края с триумфом, принесет славу односельчанам и сделает так, чтобы в деревне никто не голодал, а у детей была своя школа!

То, что он, господин сюцай, отвесил земной поклон простым пахарям, не на шутку напугало людей. Толпа вздрогнула и отхлынула назад — не по чину им было принимать такой поклон. Но этот жест заставил их еще больше гордиться парнем. Их Е Цзычжоу остался всё тем же верным и благородным человеком!

Староста Жун поспешно поднял его:

— Соседи на то и соседи, чтобы выручать друг друга. Не будь чужаком, Цзычжоу.

Чувствительные фуланы уже всю утирали слезы — всё-таки эти дети выросли у них на глазах. Аму Мин и вовсе рыдал навзрыд; если бы не поддержка Ло-гэра и Е Цзюньчжи, он бы, наверное, и на ногах не устоял.

Видя, что атмосфера становится совсем уж тягостной, староста Жун напустил на себя суровость:

— Ну всё! Чего вы лицами закисло, будто на похоронах? Цзычжоу едет за тридевять земель учиться, чтобы в будущем стать большим человеком — это радость! А ну, улыбнитесь все!

Затем он повернулся к Е Цзюньшу:

— Запомни: что бы ни случилось в будущем, Ецзяцунь всегда будет твоим тылом.

Цзычжоу, с трудом сдерживая улыбку, кивнул.

Время поджимало, пора было отправляться в путь. Он вместе с шицюном усадил в повозку детей, которые уже всю ревели, и вскоре экипаж под взглядами односельчан медленно тронулся от околицы. Он нанял две повозки по рекомендации учителя. Та, что побольше — для людей, та, что поменьше — для вещей. Кучера были проверенные: именно они возили старшего брата семьи Цинь в Юнчжоу и в столицу на экзамены. Люди надежные, дорогу знают.

Цинь Яоляню тоже было горько расставаться. Он заночевал у Е Цзюньшу, чтобы проводить его, и теперь шел рядом с повозкой. На развилке он сойдет и вернется в уезд. Эта разлука могла затянуться на долгие годы.

— Цзычжоу, как обустроишься в Юнчжоу, не забудь написать мне, — в который раз наказывал Яолянь.

У него уже была степень сюцай, и метить выше он не собирался. Так что без особой нужды в Юнчжоу или столицу он не поедет. Останется в уезде, будет помогать отцу в школе обучать малышей грамоте, а самое главное — писать свои книжки! Хм! Его единственный лучший друг уезжал, и Цинь Яоляню было невыносимо грустно. Совсем как тогда, когда его старший брат

уехал на учебу и с тех пор ни разу не возвращался...

Отец и аму с каждым днем не молодеют, как же у него поднимется рука оставить их? Он должен быть рядом, заботиться о них. Тем более теперь, когда у него на сердце затеплилась любовь и он, чего доброго, скоро приведет в дом суженого — расставаться не хотелось тем более.

Е Цзюньшу тоже было тяжело на душе, но это была неизбежная необходимость.

— Ты впредь не зли так часто учителя, больше проводи времени с ним и с шиму. Учитель стареет, и с тех пор, как два года назад он тяжело переболел, здоровье его заметно пошатнулось.

— Знаю, знаю, не беспокойся. Мы с Ло-гэром будем как следует почитать родителей. Глядишь, через пару-тройку лет у меня уже будет по дитю в каждой руке, — хихикнул Цинь Яолянь. — Цзычжоу, тебе бы тоже пора подумать о делах сердечных. Возраст уже солидный, если встретишь славного гэра — не упускай.

Мало того, он еще и мелкотню наставил:

— В будущем, если увидите, что вашему старшему брату приглянулся какой-нибудь симпатичный гэр, помогайте заманить его домой, чтобы он стал вашим фуланом!

Сяо Шань и Лу-гэр серьезно закивали, а близнецы с важным видом стали повторять за ними, стараясь напустить на свои пухлые щечки как можно более суровый вид — бог весть, поняли ли они хоть слово.

Е Цзюньшу: «...»

Повозка замедлялась, впереди показалась развилка. Лицо Цинь Яоляня становилось всё печальнее; ему казалось, что он еще столько всего не успел сказать братьям Е, но в голове была лишь звенящая пустота — слова разлетелись. Он хотел бы, чтобы эта дорога была бесконечной, но у любого пути есть конец.

У развилки повозка остановилась. Час расставания пробил. Е Цзюньшу спрыгнул с козел и обернулся к Цинь Яолянью. Тот прошелся взглядом по лицам братьев — несколько пар похожих глаз смотрели на него в ответ. Он спрыгнул на землю и хлопнул Е Цзюньшу по плечу:

— Береги себя, брат!

Е Цзюньшу похлопал его в ответ:

— И ты береги себя.

Цинь Яолянь отошел к обочине. Он смотрел, как Е Цзюньшу снова устраивается рядом с возницей и две повозки медленно трогаются с места.

Вдруг из оконных проемов высунулись маленькие головки, пухлые ладошки замахали ему вслед, и зазвенели детские голоса:

— Брат Яолянь, мы будем скучать!

У Цинь Яоляня внезапно защипало в глазах.

Горечь разлуки передалась детям, и долгое время они ехали притихшие и подавленные. Е Цзюньшу чувствовал то же самое, но сумел быстро взять себя в руки. Повозки постепенно покидали пределы уезда Фэнчэн.

До города Юнчжоу было примерно месяц пути, причем дорога пролегала вдоль берега реки Линьцзян. Несколько лет назад они бы не рискнули ехать здесь без большого торгового каравана. Но год с лишним назад правительство прислало войска для подавления бандитов, и все мало-мальски крупные логова в прибрежных лесах были вычищены под чистую. Даже если после ухода солдат шайки и начали формироваться вновь, былой силы они уже не имели.

При упоминании прибрежной дороги Линьцзян Е Цзюньшу невольно вспомнил того самого необычного гэра. Где сейчас Третий молодой господин? Всё ли у него в порядке?..

С тех пор как на дорогах стало безопасно, здесь стало куда люднее; то и дело попадались повозки путешественников и торговые обозы. Возницу, нанятого Е Цзюньшу, звали дядей Хэ, и он приходился каким-то дальним родственником семье учителя, отчего Е Цзюньшу сразу проникся к нему симпатией.

Дядя Хэ оказался словоохотливым мужчиной средних лет. Он объездил на своей повозке немало мест и теперь увлеченно рассказывал Е Цзюньшу о нравах и обычаях чужих краев. Дети постепенно заслушались; они внимали с серьезными лицами, а в интересных местах наперебой задавали вопросы. Дядя Хэ не отмахивался от них, а отвечал обстоятельно и терпеливо — сразу видно, человек с добрым сердцем.

Благодаря его юмору и байкам путь перестал казаться нудным. Дети взбодрились, с любопытством рассматривая незнакомые пейзажи и оживленно болтая друг с другом. Е Цзюньшу с облегчением выдохнул: хорошо, что они отвлеклись от грустных мыслей.

Однако дорога есть дорога. Через несколько дней непрерывной езды дети снова приуныли и начали вянуть на глазах. Опасаясь, что они заболеют от непривычки, Е Цзюньшу решил не спешить: в каждом крупном городке они останавливались, чтобы погулять и посмотреть мир. Цзычжоу и сам с интересом знакомился с культурой этой эпохи. В каждом новом месте он узнавал что-то новое. И впрямь: «пройти десять тысяч ли полезнее, чем прочесть десять тысяч свитков».

Так, с остановками, месячный путь растянулся на два с лишним месяца. И вот, наконец, две запыленные повозки выкатились на финишную прямую. Впереди выросла величественная, внушающая трепет городская стена. Они прибыли в Юнчжоу.

В это же время в десяти тысячах ли от них, на приграничной заставе, в главном военном лагере. На ветру развеваются знамена с изображением неведомых зверей. В огромном лагере царит суровая тишина, нарушаемая лишь четким шагом патрулей. Черный боевой конь неся издалека во весь опор, мгновенно привлекая внимание стражи. Десятки наконечников стрел, сверкая холодным блеском, нацелились вдаль.

Присмотревшись, воины увидели, что на спине лошади распростерт человек, живой он или мертв — не разобрать. Командир стражи понаблюдав немного:

— Отставить! Свой!

Тяжелые деревянные ворота распахнулись, несколько всадников выехали навстречу. Боевой конь доскакал до воинов и с призывным ржанием замер как вкопанный.

Всадник потерял равновесие и повалился вправо; благо, один из солдат успел его подхватить. В нос ударил густой запах крови. Руки, державшие пришельца, вмиг стали багровыми от липкой грязи и крови. Человек был при смерти. Его губы едва шевелились, повторяя одни и те же слова:

— Великий генерал... засада... опасность...

С этими словами он испустил дух.

— Где Великий генерал? Какая засада?! — в лице изменился воин, но получить больше сведений было невозможно.

Он подхватил тело гонца и вскочил в седло:

— По коням! Назад, доложить Третьему молодому господину!

<http://bllate.org/book/15226/1397221>